

Война за термины

Александр ГРОНСКИЙ, кандидат исторических наук, доцент

В борьбе за идеологическое доминирование применяются разные методы. Однако один из смыслов этой борьбы можно описать как попытку с помощью навязывания общих ценностей большой группе людей отделить массу «своих» от массы «чужих». Войны в формировании идей имеют особое значение, так как именно война дает возможность черпать примеры трагизма и героизма для эксплуатации в политико-идеологической сфере. Не стала исключением и Отечественная война 1812 года, 200-летие которой широко отмечается.

В принципе, относиться к прошлому более объективно, чем это было раньше, не так уж и плохо, но грань, где заканчивается научная объективность и начинается идеологическая субъективность, очень тонка. Зачастую событие подвергается переоценке, поскольку оно объявлено слишком мифологизированным. И мало кому в голову приходит, что новое описание – это такая же субъективность, только с другой стороны. Есть достаточные основания утверждать, что именно подобная новая субъективность сейчас искусственно формируется при освещении Отечественной войны 1812 года.

Рассмотрим лишь два момента, связанных с этим событием. Употребление термина «партизан» и его производных (партизанская война, партизанские действия и т.д.) по отношению к участникам событий эпохи 1812 года и собственно названия «Отечественная война».

Слово «партизан» не такое древнее – оно появилось только на рубеже XVIII–XIX веков. Участник Отечественной войны 1812 года, идеолог и предводитель партизанского движения русский поэт Денис Давыдов называл партизанами только военнослужащих регулярной армии, действовавших в тылу наполеоновских войск. Так, в одном месте своих мемуаров он упоминает раздельно партизан и казаков, поскольку последние представляли иррегулярные части русской армии. Из текста можно понять, что из регулярных войск в отряде Давыдова были гусары, драгуны, егеря и артиллерия. Соответственно, партизанские действия – это лишь те, которые вели армейские легучие отряды. В конце XIX века такое «давыдовское» понимание слова «пар-

тизан» оставалось актуальным [1, с. 303–308; 2, с. 886]. Крестьянские отряды, которые начали появляться в 1812 году, в то время к партизанским не относили. Их называли по-разному – кордоны, ополчения и т.д.

Возникает проблема, каким термином обозначить совокупность всех действий – и армейских отрядов, и крестьян – на оккупированной территории. Понятие «партизан» для современного читателя связано в первую очередь с представлением об антифашистских отрядах Великой Отечественной войны. Пожалуй, с того времени данное понятие и приобрело нынешний – более широкий смысл. И все действия, похожие на действия советских партизан, стали обозначаться как партизанские. Если обратиться к статье «Партизанская война» в первом издании Большой советской энциклопедии, датированном 1939 годом, можно сделать вывод, что отголоски узкого понимания термина «партизан» еще существовали. Так, партизанская война определяется как «действия отдельных самостоятельных отрядов и частей, организующихся в тылу противника или выделяемых регулярной армией» [3, с. 266]. Из определения непонятно, состоят ли вооруженные группы из отставших и попавших в окружение солдат или же из мирных граждан. Однако далее сообщается, что «героическая борьба русского народа против иноземных поработителей – монголов, немецких “псов-рыцарей”... поляков, шведов и др. – нередко принимала характер партизанской войны» [3, с. 266]. В статье приводятся следующие примеры партизан и партизанских действий: отряды русских крестьян периода Смуты начала XVII века; специальные армейские отряды, выделяемые Петром I

во время Северной войны 1700–1721 годов; борьба в тылу противника в период Семилетней войны 1756–1763 годов; сопротивление на оккупированных Францией территориях России и Испании в период наполеоновских войн; действия местного населения и специальных отрядов северян против южан на их коммуникациях в Гражданской войне в США в 1860–1865 годах, а также действия французов в период франко-прусской войны 1870–1871 годов. К партизанским автор относит и восстания периода Первой русской революции («Восстание и вооруженная борьба московского пролетариата в 1905 году является яркой страницей в истории революционной партизанской войны»), а также восстания в тылу белогвардейских войск во время гражданской войны в России в 1917–1922 годах (о белых партизанах скромно умалчивается), последние на то время события – бои эфиопов в итало-эфиопской войне 1935–1936 годов, деятельность некоторых отрядов республиканцев в тылу франкистской армии в период Гражданской войны в Испании в 1936–1939 годах, действия китайцев в продолжавшемся японо-китайском конфликте [3, с. 266–268]. Однако самым значимым примером партизанской войны в советской литературе того времени все же признавали гражданскую войну в России: недаром этому посвящена отдельная энциклопедическая статья [4]. В конце 1930-х годов партизанские действия трактуются уже как активность армейских отрядов и мирных жителей в тылу противника. Расширенное и «осовремененное» наполнение термина «партизан» в тот период начинает доминировать в представлениях населения.

Если обратиться ко второму изданию Большой советской энциклопедии, которое начало выходить после Великой Отечественной войны, то там термин «партизанское движение» окончательно приобрел новый смысл: «активная национально-освободительная борьба широких народных масс на оккупированной иноземными захватчиками территории против оккупантов и их приспешников, за независимость родины» [5, с. 161]. Как видим, из определения исчезло «армейское» наполнение. А к тем примерам партизанского движения, которые использовались в первом издании БСЭ, добавилось обширное описание партизанской борьбы в период Великой Отечественной войны.

В этом же томе второго издания есть статья, посвященная собственно «партизанам». Она интересна тем, что фиксирует изменившиеся представления о наполнении термина. Итак, партизанами называются «участники народной войны, лица, добровольно взявшие за оружие и ведущие боевые действия против вторгшегося иноземного захватчика или внутренней контрреволюции, но не входящие в состав регулярных вооруженных сил» [6, с. 165]. Чтобы не путать новое наполнение со старым, в последнем абзаце сказано: «В военной литературе 18–19 вв., реже 20 в. партизанами назывались также участники небольших подвижных, обычно кавалерийских, отрядов, выделявшихся регулярными войсками для действий в отрыве от главных сил на коммуникациях противника, по его тылам, для расстройств его линий связи, снабжения и т.п. В настоящее время такое употребление термина “Партизаны” вышло из употребления и партизанами называются только участники отрядов, создаваемых самим населением» [6, с. 165–166].

Таким образом, по отношению к событиям 1812 года термин «партизан» можно использовать, обязательно предупреждая читателя о его более узком значении в тот период.

Упомянутая путаница с определениями являет собой часть более широкой проблемы – модернизации истории, то есть употребления современной терминологии по отношению к прошлому. Приведем простой пример с термином «декабристы». Принято говорить о декабристских организациях в 1823 или 1824 году. Но были ли они декабристскими, если даже термина «декабрист» тогда не существовало? О декабристах полно-

ОБ АВТОРЕ

ГРОНСКИЙ Александр Дмитриевич.

Родился в 1976 году в г. Светлогорске Гомельской области. Окончил исторический факультет Белорусского государственного университета (1999). С 2001 года преподает в различных вузах. В настоящее время работает в Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Заместитель заведующего Центром восточноевропейских исследований Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске. Кандидат исторических наук (2003), доцент (2006). Автор более 70 научных публикаций в белорусских, российских, боснийских и сербских изданиях. Сфера научных интересов: история Беларуси XIX – начала XX века, теория национализма, история российской политической полиции.

ценно можно говорить только после восстания на Сенатской площади 15 декабря 1825 года. А до этого как определять участников тайных обществ, связанных между собой определенными отношениями? Вот и приходится применять термин к тому времени, в котором его еще не существовало. Конечно, в некоторых случаях такая модернизация истории неизбежна, но использование терминов и их смысловую нагрузку следует оговаривать.

Еще одна проблема, которую хочется поднять. Является ли Отечественная война 1812 года отечественной для белорусов? Подобная постановка вопроса не нова. В учебниках по истории БССР, изданных в советский период, название «Отечественная» присутствует [7, с. 66; 8, с. 138], но в нынешних учебниках нет [9, с. 15]. Пожалуй, первое на современном этапе явное отрицание того, что война 1812 года для белорусов является отечественной, появилось в издании «100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі» [10, с. 51]. Естественно, что в книге ярко выраженного националистического и русофобского содержания не могла присутствовать иная трактовка. В том же 1993 году издан первый том «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», где есть статья «Отечественная война 1812» [11, с. 73–78]. А через 2 года, в 1995-м, в том же издательстве вышел энциклопедический справочник «Беларусь», где содержится статья «Война 1812 г.» того же автора [12, с. 146]. В 1997 году вышел четвертый том «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», в котором размещена статья о М.И. Кутузове. Тот же автор вновь использует в ней термин «Отечественная война 1812 г.» [13, с. 319]. Хотя в статье других авторов в этом же томе о Кобринском бое в 1812 году указывается «Война 1812 г.» без слова «Отечественная» [14, с. 219].

В настоящее время существуют утверждения, что понятие «Отечественная» не должно существовать в белорусской историографии, так как для белорусов эта война таковой не являлась, а само это определение чересчур эмоционально. Но последний аргумент довольно спорный, поскольку и отрицание термина носит явную эмоциональную окраску. Вообще следует признать, что наиболее значимой войной для современного белорусского, российского и любого другого постсоветского общества (особенно на европейской части бывшего СССР) является Великая

Отечественная. Она вызывает самое большое количество эмоциональных реакций. А понятие «Отечественная война 1812 года» не несет какого-то сильного заряда эмоций в силу своей хронологической отдаленности, да к тому же прошедшие столетия были наполнены другими событиями, которые по значимости перекрыли ту войну.

Борьба с термином «Отечественная война 1812 года» ведется больше по идеологическим причинам. В настоящее время еще слышны отголоски национально-романтического отношения к истории, которое сложилось в 1990-х годах. Тогда в каждом событии искали ответ на вопрос, а полезно ли оно для формирования национального самосознания и нового взгляда на мир. Эту проблему решала национализация истории [15]. Одним из способов подобного «переосмысления истории» является формирование концепции «своей» или «не своей» войны. Отечественная война 1812 года для некоторых белорусских ученых и общественных деятелей не укладывается в рамки «своей войны». Они пытаются навязать обществу как значимое для белорусов событие «воссоздание Наполеоном Великого Княжества Литовского», забывая при этом, что Временное правительство ВКЛ присоединилось к Генеральной конфедерации Королевства Польского, а литовские войска, которые подчас называют белорусской армией, устраивались и обмундировывались по образцу польских полков и «должны были войти в состав армии княжества Варшавского» [16, с. 340]. А раз нельзя в событиях найти ничего «национального белорусского», тогда нужно перевести войну на уровень «нейтрального» отношения к ней, отрицая термин «Отечественная».

Кстати, интересно рассмотреть проблему «народности» этой войны. Широкая активность народных масс в период наполеоновского нашествия существовала. Хотя в разных частях империи она была разной. Российский историк А.И. Попов указывает, что советские представления о возникшей на территории литовско-белорусских губерний «народной партизанской войне» являются мифом [16, с. 24]. Следует отметить, что А.И. Попов – последовательный сторонник употребления аутентичных терминов, поэтому он однозначно заявляет, что крестьяне не создавали партизанских отрядов.

Как пишет исследователь, «войну 12-го года можно, конечно, именовать народной, так как крестьяне и мещане приняли в ней широкое участие» [16, с. 323]. Таким образом, «народная война» определяется по одному критерию – широкому участию. Естественно, что в литовско-белорусских губерниях такой массовости быть не могло. Причин этому несколько. Во-первых, недавнее вхождение этих территорий в состав Российской империи и, как следствие, не сформировавшееся на тот момент представление о стране-родине. Во-вторых, у крестьян не было того, кто подтолкнул бы их начать антинаполеоновские действия. Если ссылаться на того же А.И. Попова, то он указывает, что инициаторами формирования крестьянских отрядов выступали «царь и местная администрация» [16, с. 322]. Крепостное крестьянство, которое составляло основной костяк отрядов самообороны, кордонов, внутренних ополчений, не отличалось в силу своего крепостного положения способностью самостоятельно принимать ответственные решения. Антинаполеоновскую активность крестьян часто направляли или инициировали дворяне. Вообще же народная война начала разгораться после призыва Барклая-де-Толли «к единению всех сословий перед лицом национальной угрозы» [16, с. 325]. Таким образом, во многих случаях инициатором начала крестьянских действий против оккупантов являлось дворянство (или в виде чиновников администрации, или в виде командиров армейских летучих отрядов). Современный российский исследователь В.М. Безотосный отмечал, что «дворянство играло тогда руководящую и цементирующую роль» [16, с. 324], а дворянство литовско-белорусских губерний было в массе своей настроено или пронаполеоновски, или самоустранилось в ожидании развязки. Но крестьяне все же самоорганизовывались для сопротивления небольшим группам наполеоновских войск. Так что если рассматривать «народное» сопротивление не с точки зрения массовости, то можно предположить, что белорусско-литовские крестьяне для защиты вынуждены были проявлять собственную инициативу.

Еще один довод тех, кто не считает войну 1812 года Отечественной для белорусов, основан на том, что, дескать, белорусские крестьяне организовывали свои отряды

лишь с целью защиты себя от мародеров и фуражиров. И защищались они не только от наполеоновских солдат, но и от русских. Тогда стоит посмотреть, ради чего организовывались крестьянские отряды в «коренных российских губерниях». И так, со ссылкой на Д.В. Давыдова А.И. Попов пишет, что «истребление мародеров и фуражиров... «более было делом поселян, нежели партий»...» [16, с. 23]. Тамбовский губернатор Л.С. Кологривцев специально разъяснял, что вооруженные подданные «само по себе разумеется, защищают только себя от нападений, возвращают из их домов похищенное и преграждают пути к их разорению» [16, с. 23]. Кроме того, вооруженные обыватели в «коренных российских губерниях» «охраняли область не только от противника, но также от русских мародеров...» [16, с. 23]. Если все это так, тогда почему борьба с мародерами (как наполеоновскими, так и русскими) белорусских и великорусских крестьян должна различаться?

Мало кто подвергает сомнению то, что Отечественная война 1812 года является таковой для России. И такой характер она имеет не только для жителей Московской или Тверской губерний, по которым прокатилось наполеоновское нашествие. Эта война является Отечественной и для проживавших в Архангельской, Саратовской, Нижегородской и других губерниях, где не проходили боевые действия, не собирались крестьянские отряды с вилами, косами и топорами. Война 1812 года непосредственно затронула далеко не всех подданных Российской империи, но она стала Отечественной потому, что в защите Родины приняли участие все сословия. Возникает вопрос: если война стала Отечественной для всей страны, почему она не должна быть таковой для части страны?

Мы часто сравниваем военные события более отдаленного прошлого с Великой Отечественной войной, которая является своеобразным эталоном патриотизма. Нужно понимать, что патриотизм 40-х годов XX века и патриотизм начала XIX века – это не идентичные понятия. Чувство патриотизма редко прививается сразу. Причем следует учитывать, что в СССР существовал государственный механизм поддержания патриотизма. Государство заботилось о лояльности граждан, для этого действовал штат идеологов, издавалась специальная

литература, выпускались фильмы и т.д. В Российской империи в эпоху Александра ничего этого не было. И обычному российскому подданному, вполне возможно, не приходило в голову ощущать свой патриотизм ежедневно. Это проявлялось только в определенных условиях, когда появлялась необходимость идеологического выбора. А если ее не было, тогда и простой обыватель, и сановник мог за всю свою жизнь так и не задуматься о привязанности или не привязанности к стране, в которой родился.

Параллели между Отечественной войной 1812 года и Великой Отечественной войной интересны еще и тем, что методы отрицания «отечественности» одной и другой войн очень похожи.

Итак, получается некая логическая цепочка, которая отражает современный белорусский историко-политический дискурс. Она состоит из трех звеньев. Первое – война 1812 года не является для белорусов Отечественной, а всего лишь русско-французской или просто «войной 1812 года». Второе – партизан в 1812 году не существовало (имеется в виду современное расширенное понимание термина), а были лишь крестьянские отряды самообороны, которые воевали как с французами, так и с русскими, то есть против всех. Третье – для белорусов события 1812 года могут считаться гражданской войной, поскольку часть местного населения служила в русской армии, а часть была взята в наполеоновскую армию.

Но схожая логика присутствует и в отдельных суждениях относительно Великой Отечественной войны, хотя и является пока маргинальной. Первое – Великая Отечественная война для белорусов не является таковой, а всего лишь советско-германской. Второе – партизанское движение на самом деле было антибелорусским и состояло из советских диверсантов, окруженцев и загнанных белорусских крестьян, которых силой загоняли в партизанские отряды. Третье – события 1941–1945 годов для белорусов являются гражданской войной, поскольку часть белорусов обманом или насильно была привлечена в советские партизанские отряды, а еще часть добровольно начала помогать немцам и воевала за белорусскую независимость.

Не правда ли, методы объяснения «правильного» или же «национального» отно-

шения к тем событиям весьма схожи? Все же попытки убрать представление о защите Родины, полностью лишит местное население хоть каких-то намеков на то, что оно боролось за что-то большее, чем элементарное выживание, низвести все до внутреннего конфликта, чтобы подчеркнуть негативную роль внешних сил. И это дает серьезный повод для размышления как ученым и государственным руководителям, так и обществу в целом. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов, Н.А. Партизанская война / Н.А. Орлов // Военная энциклопедия: в 18 т. – СПб.: Издательство Товарищества И.Д. Сытина, 1914. – Т. 17; под ред. К.И. Величко.
2. Партизанская война // Энциклопедический словарь: в 86 т. – СПб.: Типо-Литография И.А. Эфрона, 1897. – Т. XXIIa. Оуэн – Патент о поединках.
3. Аргунов, Н. Партизанская война / Н. Аргунов // Большая советская энциклопедия: в 65 т. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1939. – Т. 44. Пализа – Перемычка; под ред. О.Ю. Шмидта. – 1-е изд. – С. 265–269.
4. Геласимова, А. Партизанское движение в годы гражданской войны в СССР / А. Геласимова // Большая советская энциклопедия: в 65 т. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1939. – Т. 44. Пализа – Перемычка; под ред. О.Ю. Шмидта. – 1-е изд. – С. 270–280.
5. Партизанское движение // Большая советская энциклопедия: в 50 т. – М.: Большая советская энциклопедия, 1955. – Т. 32. Панипат – Печура; под ред. Б.А. Введенского. – 2-е изд. – С. 161–165.
6. Партизаны // Большая советская энциклопедия: в 50 т. – М.: Большая советская энциклопедия, 1955. – Т. 32. Панипат – Печура; под ред. Б.А. Введенского. – 2-е изд. – С. 165–166.
7. История БССР: учебник для уч-ся средней школы / Л.С. Абцедаарский, М.П. Баранова, Н.Г. Павлова; под ред. Л.С. Абцедаарского. – 4-е изд. – Минск: Народная асвета, 1978. – 288 с.
8. История БССР: учебник для 8–9 классов средней школы / М.П. Баранова, Э.М. Загорюльский, Н.Г. Павлова; под ред. Э.М. Загорюльского. – 2-е изд. – Минск: Народная асвета, 1990. – 239 с.
9. Гісторыя Беларусі, канец XVIII – пачатак XX ст.: вуч. дап. для 9-га кл. / С.В. Марозава, У.А. Сосна, С.В. Паноў; пад рэд. У.А. Сосны. – 2-е выд., дап. і перагл. – Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2011. – 199 с.
10. Тарасаў, К. На чым баку былі беларусы ў вайне 1812 года? / К. Тарасаў // 100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі; уклад. І. Саверчанка, Эм. Санько. – Мінск: Рэдакцыя газеты «Звязда», 1993. – 80 с.
11. Антонаў, В.В. Айчынная вайна 1812 / В.В. Антонаў // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1993. – Т. 1. А – Беліца; рэдкал. М.В. Біч і інш.
12. Антонаў, В.В. Вайна 1812 г. / В.В. Антонаў // Беларусь: энц. даведнік [рэдкал.: Б.І. Сачанка і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1995.
13. Антонаў, В. Кутузаў (Галянішчаў-Кутузаў) Міхаіл Іларыёнавіч / В. Антонаў // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1997. – Т. 4. Кадэты – Ляшчэня [рэдкал. Г.П. Пашкоў і інш.].
14. Бекцінеў, Ш. Кобрынскі бой 1812 / Ш. Бекцінеў, В. Швед // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1997. – Т. 4. Кадэты – Ляшчэня [рэдкал. Г.П. Пашкоў і інш.]. – С. 219–220.
15. Гронский, А.Д. Национализация истории как препятствие интеграционным процессам / А.Д. Гронский // Международная жизнь. – 2012. – № 1. – С. 172–180.
16. Попов, А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом / А.И. Попов. – Самара. ООО «НТЦ», 2002. – 439 с.